

Военное
Детство

Н. КРАВЦОВА

«НОЧНЫЕ ВЕДЬМЫ»

Военное детство

Наталья Кравцова
«Ночные ведьмы»

Издательство «Детская литература»

1969

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кравцова Н. Ф.

«Ночные ведьмы» / Н. Ф. Кравцова — Издательство «Детская литература», 1969 — (Военное детство)

ISBN 978-5-08-006328-2

В книгу знаменитой летчицы времен Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза Натальи Фёдоровны Кравцовой (1922–2005) вошли короткие новеллы, повествующие о военных буднях летчиц прославленного 46-го Гвардейского Таманского полка. Враги называли их «ночными ведьмами» – и как огня боялись их маломощных фанерных самолетиков, бомбивших ночью с малой высоты, неуловимых и грозных. И не верили, что управляют ими вчерашние девчонки, ушедшие на фронт со школьной скамьи. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-006328-2

© Кравцова Н. Ф., 1969
© Издательство «Детская литература», 1969

Содержание

Идем на войну	7
Нужны ли солдату косы?	9
«Морзянка»	10
Первые вылеты	12
Бомбят Ростов	15
Трудными дорогами	16
Горит всю ночь	23
Тишина	24
Гадание	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Наталья Кравцова «Ночные ведьмы»

Серия «Военное детство»

Оформление серии О. Рытман

© Кравцова Н. Ф., наследники, 1969

© Акишин А. Е., рисунки, 2020

© Составление, оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2020

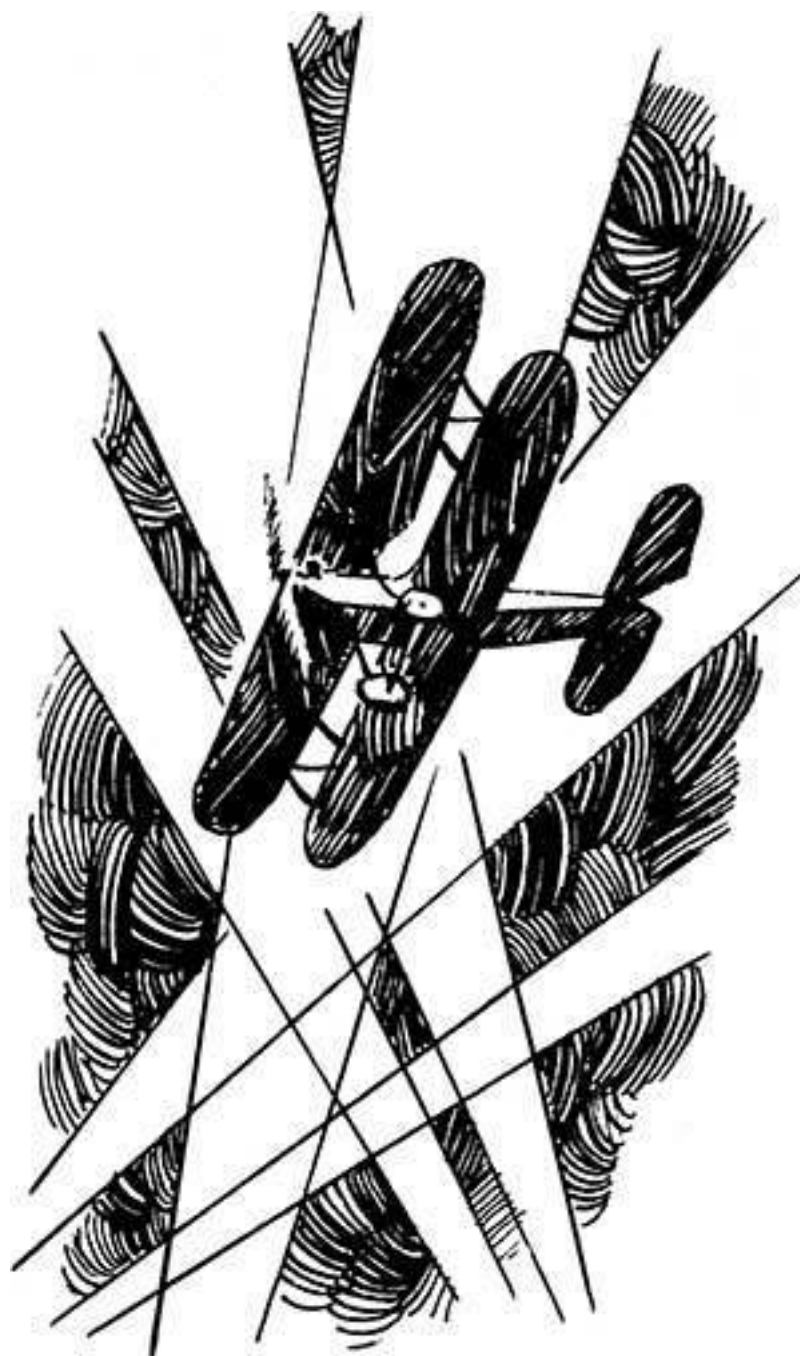
* * *

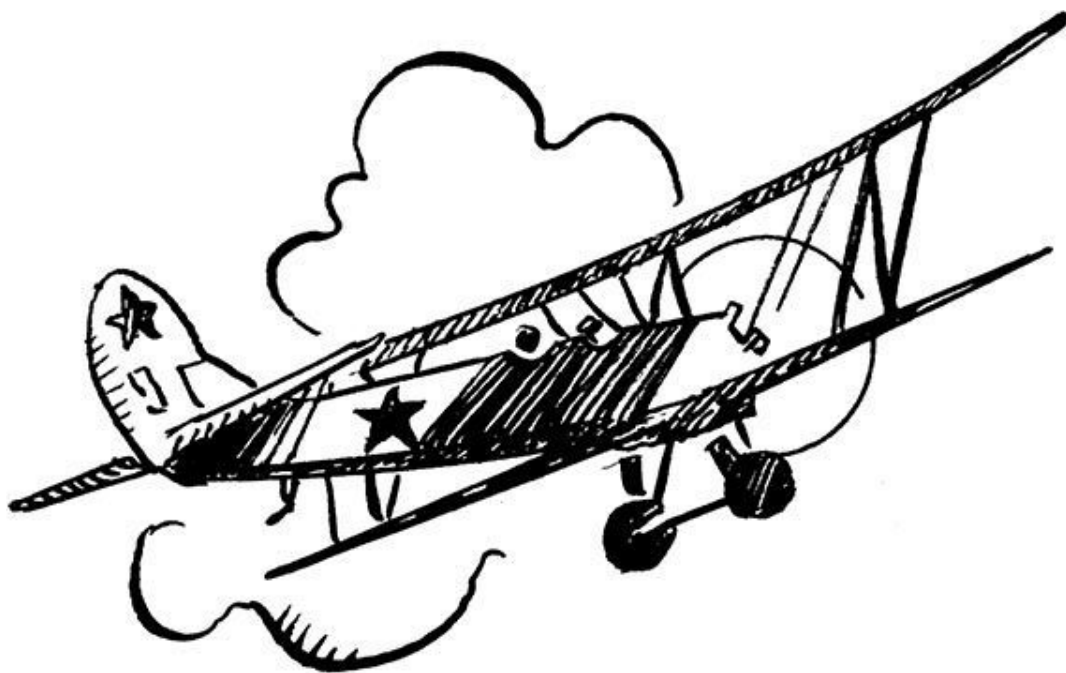
1941–1945

К 75-летию Победы

в Великой Отечественной войне

Идем на войну

Мы идем пустынными улицами Москвы к Казанскому вокзалу. Серое октябрьское утро. Бьет в лицо колючий снежок. Легкий мороз сковал осенние лужи на мостовой. Зима 1941-го наступила рано.

Шагаем колонной. Стучат по булыжнику железные подковки сапог. Стараемся идти в ногу. Нас много, девушек в больших, не по росту, шинелях и огромных кирзовых сапогах. В такт шагу позвякивают котелки, привязанные к рюкзакам. Сбоку на ремне у каждой – пустая кобура для пистолета, фляга и еще какие-то ненужные вещи, которые почему-то непременно должны входить в комплект «снаряжения».

Скользко. В сапогах непривычно: то и дело кто-нибудь из девушек плюхается на землю под сдержанный смешок соседок.

Москва военная провожает нас. Из скверов торчат стволы зениток. Настороженно, словно прислушиваясь к далекому гулу войны, стоят дома с разрисованными стенами. На стенах – зеленые деревья и серые дороги... Окна оклеены полосками бумаги крест-накрест. И дома – как слепые.

Война уже близко. Совсем близко от Москвы. Мы это знаем. Безжизненно стоят трамваи, брошенные, никому не нужные. Метро не работает. На станциях и в тоннелях люди прячутся от бомбежки. Трудные, тревожные дни, когда известий ждут со страхом.

Но мы не унываем. Потому что мы уже солдаты: на нас новенькая военная форма со скрипучим кожаным ремнем. Теперь не нужно толкаться в военкомате и просить, чтобы отправили на фронт. Все позади: и отборочная комиссия в ЦК комсомола, и медицинская комиссия, и две шумные недели в академии Жуковского, где находился сборный пункт. Сюда съезжались из разных городов девушки – пилоты и техники, здесь мы постигали азы военной дисциплины, вникая в сущность субординации...

Все это позади. Мы идем на войну.

Правда, на войну мы попадем не сразу. Впереди учеба в летной школе. Там, в городе Энгельсе, на Волге, нам предстоит провести шесть месяцев. Когда Марина Раскова, наш командир, сообщила об этом, многие ахнули: целых шесть месяцев! Но, конечно, все обрадовались:

значит, решение о том, что мы будем воевать, окончательно и бесповоротно. И только одно огорчало: мы покидаем Москву в самый тяжелый для нее час, уезжаем в тыл, на восток.

...Подковки сапог стучат по булыжнику. Мы идем по утреннему городу, поем песни. Наверно, смешно смотреть со стороны на нас, несладко одетых девчонок в длиннющих шинелях. Но нет улыбок на лицах редких прохожих. Пожилые женщины подходят к самому краю тротуара, молча стоят и долго провожают колонну грустным взглядом.

На вокзале грузим в теплушки матрацы, мешки, продовольствие. Только к вечеру эшелон трогается. Мы едем в Энгельс. Едем медленно. В потемневшем небе первые вспышки разрывов. В городе воздушная тревога. Гудят паровозы, заводы. Грохочут зенитки.

Двери в теплушках раздвинуты. Тихо звучит песня:

Прощай, прощай, Москва моя родная.
На бой с врагами уезжаю я...

Мы смотрим в московское небо. Многие – в последний раз.

Нужны ли солдату косы?

...Еще раз звонко щелкнули ножницы и застыли в воздухе.

– Ну вот и готово, – с гордым видом произнес пожилой парикмахер и отступил от зеркала, чтобы полюбоваться своим искусством. – Первый класс!

С любопытством уставилась я на коротковолосого мальчишку, который смотрел прямо на меня. Неужели это я? Ну да, это мой вздернутый нос, мои глаза, брови... И все же – нет, не я. Кто-то совсем другой, ухватившись за ручки кресла, испуганно и удивленно таращил на меня глаза.

У мальчишки на самой макушке смешно торчал хохолок. Я попробовала пригладить прямые, как иголки, волосы, но они не поддавались. Растерянно оглянулась я на мастера, и он сразу же, будто заранее приготовил ответ, скороговоркой сказал:

– Ничего-ничего. Это с непривычки. Потом улягутся.

Я хотела было высказать ему свои сомнения, но передумала. Рядом с креслом уже стояла следующая девушка. Я встала, уступив ей место.

Женя Руднева спокойно улыбнулась мне и села. Тонкая шея в широком вырезе гимнастерки. Строгий взгляд серо-голубых глаз. Тугая светлая коса.

Слегка нагнув голову и глядя на себя искоса в зеркало, Женя стала неторопливо расплетать толстую косу. Она делала это с таким серьезным выражением лица и так сосредоточенно, будто от того, насколько тщательно расплетет она косу, зависело все ее будущее. Наконец она тряхнула головой, и по плечам ее рассыпались золотистые волосы.

Неужели они упадут сейчас на пол, эти чудесные волосы?

Мастер, поглядывая на Женю, молча выдвигал и задвигал ящики, долго и с шумом ворошил там что-то, перекладывал с места на место гребенки, щетки. Потом выпрямился и вздохнул.

– Стричь? – спросил он негромко, словно надеялся, что Женя сейчас встанет и скажет: «Нет-нет, что вы! Ни в коем случае!»

Но Женя только удивленно подняла глаза и утвердительно кивнула. Он сразу нахмурился и сердито проворчал:

– Тут и так тесно, а вы столпились. Работать мешаете!

Я отступила на шаг, и вместе со мной отошли к стене другие девушки, ожидавшие своей очереди.

И снова защелкали ножницы, неумолимо, решительно. Даже слишком решительно...

Нет, я не могла смотреть. Повернувшись, я направилась к выходу. Справа и слева от меня неслышно, как снег, падали кольца и пряди, темные и светлые. Весь пол был покрыт ими. И мягко ступали сапоги по этому ковру из девичьих волос.

Кто-то втихомолку плакал за дверью. Не всем хотелось расставаться с косами, но приказ есть приказ. Да и зачем солдату косы?

«Морзянка»

Облепленные снегом, в шинелях и шапках-ушанках, мы вваливаемся с улицы в коридор. Отряхиваемся, весело бьем друг друга по плечам, спинам. Потом, потолкавшись у вешалки и оставив на полу мокрые следы, идем в класс.

«Морзянка» – один из предметов, которые мы любим. Каждый день утром в течение часа мы передаем и принимаем радиогаммы. Работая ключом, отстукиваем буквы, цифры, добиваясь быстроты передачи. Упражняемся всюду, где только можно. Даже в столовой. В ожидании обеда выстукиваем ложками: та-та-ти-ти-ти-та-та...

Занятия ведет молоденький лейтенант. Зовут его Петя. Он всегда приходит раньше и ждет нас, сидя за столом. И всегда делает вид, что очень занят: пишет что-то, или чертит, или регулирует телеграфный ключ. Но мы-то знаем: просто ему нужно время, чтобы набраться храбрости, потому что нас, девчонок, он стесняется.

Лейтенант Петя немногословен. Он старается больше молчать, но, когда ему все же приходится говорить с нами, он краснеет и даже заикается. И от этого смущается еще больше.

Сегодня в классе мрачновато. За окном падает снег. Крупными хлопьями. Густой-густой. Кружась, летят, летят вниз мотыльки. Их так много, что в комнате полутемно.

Ти-ти-ти-та-та. «Я-на-гор-ку-шла...»

Монотонно жужжит зуммер. Точки, тире. Тире, точки...

Мы сидим за длинными черными столами, склонив головы, слушая негромкий разговор отрывистых звуков «морзянки». В наушниках тоненько попискивают, перебивая друг друга, короткие точки и не очень короткие тире.

А в светлых проемах окон безмолвно несутся вниз мотыльки. Тысячи мотыльков. И мне на минуту кажется, что там, за окнами, совсем другой мир. Он не имеет к нам никакого отношения. Мы – отдельно.

Далеко-далеко идет война. А снег такой тихий и мягкий. И негромкая музыка «морзянки»... Может быть, война – это неправда? На самом деле ничего нет? Но зачем тогда «морзянка»? И мокрая шинель с воротником, который больно трет мне шею?

Меня клонит в сон. Я куда-то проваливаюсь... Но тут же спохватываюсь и начинаю старательно записывать слова, которые получаются, если тире и точки превратить в буквы.

Рядом со мной Галя Джунковская. Ей очень идут наушники. Похоже, что она в шапочке, которая плотно облегает голову.

Галя быстро пишет карандашом, и кончик ее носа слегка шевелится. На мгновение она поднимает темные глаза и встречается взглядом с Петей. Он моментально заливается краской. Краснеет даже шея над аккуратным белым подворотничком.

Опустив голову так, что стала видна светлая макушка, он продолжает отстукивать ключом.

По лицу Гали пробегает улыбка. Но тут же она хмурится, делает вид, что увлечена приемом. Только кончик носа дрожит часто-часто.

Ясно, она что-то задумала. Я вопросительно поглядываю на нее, и она кивает мне в ответ.

Обычно в конце урока Петя задает нам быстрый темп. Отстукивая ключом, он все ускоряет передачу до тех пор, пока мы уже не в состоянии принять ее. Тогда мы бросаем прием, а он еще некоторое время продолжает выстукивать, поглядывая на нас исподлобья. Вид у него при этом явно торжествующий. Мы сидим молча, побежденные.

И так каждый раз. Нет, дальше терпеть нельзя! Что же он передает?

Мы хитрые. Галя предлагает: «Давайте принимать конец передачи по очереди. Тогда успеем».

В последние минуты, когда Петя, разгоняя скорость, в бешеном темпе работает ключом, мы не бросаем прием, а лихорадочно ловим звуки, складывая их в слова.

Наконец победа остается за нами. Мы читаем:

«Занятия прошли на высоком уровне. Кончаю передачу. Все девочки работали хорошо, молодцы. За это я вас целую. С горячим приветом. Петя».

В этот день лейтенант Петя уходил домой с пылающими ушами, надев шапку задом наперед.

Первые вылеты

Совершив на своих новеньких По-2 большой перелет из Энгельса в Донбасс, мы прибыли на Южный фронт.

Нелегки были первые дни на фронте. Трудности встретились как раз там, где их не ожидали. Мы готовы были ко всему: спать в сырых землянках, слышать непрерывный грохот канонады, голодать и мерзнуть – словом, переносить все лишения, какие только могло нарисовать наше воображение. Но мы никак не могли предположить, что на фронте нас встретят с недоверием. Вероятно, по молодости и неопытности.

А произошло именно так. В дивизии и армии к нашему полку отнеслись с явным недоверием. Даже растерялись: как быть? Случай из ряда вон выходящий! Полк из девчонок! И хотят воевать! Да ведь они испугаются и заплачут! И вообще, умеют ли они?!

Прошла неделя, и десять дней, и больше, а боевого задания полк все еще не получал. Мы приуныли. Бершанская, командир полка, все время куда-то ездит, то и дело ее вызывают к начальству. А командир нашей эскадрильи Люба Ольховская, шумная, неугомонная Люба, ходит мрачнее тучи.

В полк приезжают инспектора, комиссии. Проверяют, изучают, присматриваются. Заставляют нас тренироваться и делать то, что мы уже давно умеем. Словом, первого боевого вылета мы ждем около трех недель. Возможно, это не такой уж большой срок, но кажется, что время тянется бесконечно долго.

Люба пытается успокоить нетерпеливых.

– Не спешите, девчата, все еще впереди, – говорит она, стараясь держаться спокойно.

А мы чувствуем – внутри у нее все кипит.

– Ничего, подождем, – продолжает она, силясь улыбнуться.

Но улыбка не выходит: не умеет Люба притворяться.

– Подождем, пока им надоест к нам ездить! Инспекции! Проверки! Сколько же еще ждать, черт бы их побрал!

Люба негодует. В глазах ее золотистые прожилки, и кажется, что это огонь пробивается наружу.

– Мы тут сидим, а фрицы тем временем бомбят! – Она уже не может остановиться, не высказавшись до конца. – Ну, зато мы им покажем, когда начнем летать! Ух, покажем!

И она грозит кулаком неизвестно кому: не то фрицам, не то начальству, которое задерживает боевые вылеты.

Любу, которая до войны работала инструктором в летной школе, назначили командиром эскадрильи еще в Энгельсе. Зимой на Волге дули сухие морозные ветры. Мы ходили с обветренными, бронзовыми лицами и шершавыми руками. Однако полетов не прекращали, тренируясь даже в самые сильные морозы: готовились к фронту.

Высокая темноволосая девушка с быстрым взглядом из-под длинных, прямых ресниц сразу понравилась нам. В ней было столько энергии и темперамента, что их хватило бы на всю эскадрилью.

В ту зиму мы хорошо узнали Любу – жизнерадостную, неутомимую. Узнали – и полюбили.

...Однажды под утро поднялся сильный буран. Порывистый ветер грозил сорвать самолеты со стопоров. Нас подняли по тревоге. Быстро одевшись, мы отправились на аэродром. Самолеты стояли на дальнем конце летного поля, и добираться к ним пришлось по компасу. В двух-трех шагах мы уже не видели друг друга: кругом была снежная стена.

С трудом продвигаясь вперед, мы отчаянно боролись за каждый метр пути. Снег больно бил по лицу. Встречный ветер толкал назад, забивал рот воздухом, выдувал из глаз слезы. Слезы замерзали на ресницах, склеивали веки.

Шли спотыкаясь, падая. Одна из девушек провалилась в сугроб, другая потеряла валежок. Кто-то заплакал – не от боли, а от чувства беспомощности... Временами казалось – нет больше сил. И тогда из снежной пелены вырастала Люба.

– А ну, веселее, девчата! – кричала она навстречу ветру, подталкивая отстающих, поднимая упавших. – Еще немножко осталось! Не отставать!

Ей нипочем был ураган. Она смеялась, радуясь тому, что может помериться силами со стихией.

– Вперед! – звала нас Люба, словно в атаку.

Она привела нас точно к стоянкам. Онемевшими от мороза руками мы принялись закреплять самолеты. Тросы натягивались, как струны, самолеты гудели, содрогаясь. Казалось, вот-вот они сорвутся и, кувыркаясь, понесутся по полю.

Вьюга бушевала до вечера. Мы дежурили у самолетов. И Люба без усталости подбадривала нас.

– Вот это командир! – говорили потом девушки.

И вдруг мы узнали, что Люба несколько раз обращалась к начальству с просьбой перевести ее в другой полк. В истребительный. Пусть самым рядовым летчиком, но только в истребительный!

Мы понимали ее: Любино родное село на Украине фашисты сожгли дотла. И она хотела не просто воевать, а мстить! Жестоко мстить. Стать летчиком-истребителем, драться с врагом один на один! К этому она стремилась.

Но не пришлось Любе летать на истребителе. Вместо истребителя – тихоходный фанерный По-2! Трудно, очень трудно было ей согласиться с этим. Однако время шло, наш полк готовился вылететь на фронт раньше других, и она как будто успокоилась: можно и на По-2 воевать, нужно только умение. А уж она-то сумеет!

Наступил день, когда мы наконец получили боевую задачу. В первую очередь на задание должны были лететь командир полка и командиры эскадрилий. Потом – остальные.

В этот день Люба не давала покоя своему штурману, заставляя ее еще и еще раз проверять маршрут полета, точность расчетов. Невозмутимая Вера Тарасова, полная и медлительная, на этот раз делала все быстро, с подъемом, так что Любе не приходилось подшучивать над ней, как обычно.

– Чтоб полет наш был высший класс! – смеялась Люба, поблескивая зубами.

Мы всей эскадрильей провожали нашего командира в полет.

Когда стемнело, раздалась команда запускать моторы. Один за другим, через небольшие промежутки времени, поднялись в воздух самолеты.

Первый боевой вылет не произвел на нас большого впечатления. Над целью было спокойно. Никакого обстрела. Только из одного пункта по маршруту изредка лениво постреливал зенитный пулемет. Так, для острстки.

Мы возвращались разочарованные: все происходило так, как в обычном учебном полете на бомбометание. Конечно, никто из девушек не подозревал тогда, что для первых нескольких вылетов командование воздушной армии специально давало нам слабо укрепленные цели. Это делалось с намерением ввести полк в боевую обстановку постепенно.

В следующую ночь весь полк снова вылетел на боевое задание.

Вернулись все, кроме Любы.

Мы ждали до рассвета. Потом начали искать. Облетели весь район вдоль маршрута, но Любы нигде не нашли.

Она не вернулась ни на следующий день, ни потом.

Летчики соседнего полка, которые в ту ночь бомбили цель немного севернее нашей, рассказывали, что видели самолет По-2 в лучах прожекторов. По самолету стреляли зенитки. Он шел к земле.

Это была Люба. Но почему самолет был обстрелян над железнодорожным узлом? Неужели они отклонились к северу случайно? Нет, это не могло произойти. Значит...

Люба, конечно, знала, что севернее – железнодорожный узел. Эшелоны на путях. И сама выбрала себе цель... Настоящую!

Бомбят Ростов

Раскатистые взрывы сотрясают воздух. Дрожит земля. Весь день бомбят Ростов.

Отсюда, из станицы Ольгинской, хорошо видно, как заходят на город фашистские самолеты, как летят вниз бомбы.

Скоро город будет оставлен. Наши войска уйдут. И полк наш улетит. А пока мы ходим по станице, как будто все идет так, как надо. Никто не говорит об отступлении.

Местные жители сидят у своих домов, кто на скамейке, кто на завалинке. Смотрят в сторону Ростова. Деды тихо переговариваются, медленно набивают трубки, дымят, думают. Бабки охают, всплескивая руками, строят разные предположения, но продолжают продавать семечки.

Пока мы в станице, они еще на что-то надеются.

А в окнах горит закат. Такой же закат, как и вчера. И солнце заходит точно так же, как обычно. И по заросшей травой улице важно расхаживают петухи, потрясая красными гребнями, увлекая за собой глупых кур. И сытый кот жмурится на подоконнике, только кончик хвоста подрагивает при очередном взрыве.

И пока еще ничего не произошло. Вот только Ростов бомбят... А в остальном все как обычно. Даже странно подумать, что завтра все изменится.

Так бывает. До последнего момента не верится, что может случиться что-то ужасное. Даже когда знаешь наверняка, что случится. Потому что всегда кажется: тогда и солнце не должно светить и свет померкнет. А солнце все равно светит, и цветы распускаются...

Сидят деды и смотрят в сторону Ростова. А солнце все ниже, тени длиннее. Кончается день.

...Рано утром мы покидали станицу. Жители вышли из хат, стояли в воротах. Смотрели, как рулят по улицам наши самолеты, как вереницей ползут они, покачиваясь, к зеленому полю за околицей.

Никто ничего не говорил. Просто смотрели. Бабки – пригорюнившись, в белых платочках. Деды – забыв о трубках, зажатых в кулаке.

Самолеты двигались медленно: улицы были узкие. А нам, тем, кто сидел в кабине, так хотелось быстрее дорулить до зеленого поля. Чтоб не видеть белых платочков и понурых дедовских усов...

Трудными дорогами

Лето 1942 года было в разгаре. Наши войска отступали. Шли на юг по пустынным Сальским степям, выжженным солнцем, по местности настолько голой и ровной, что негде было укрепиться, не за что зацепиться. Казалось, подуй ветерок, стронь с места перекасти-поле – и покатится оно без остановки от самого Дона до Ставрополя.

Эти степные просторы облегчали действия немецких танков. Они быстро двигались по дорогам, настигая нашу пехоту, отрезая ей пути отступления.

Не раз наш полк выходил из-под танкового удара стремительно наступающего противника. По тревоге самолеты взлетали и брали курс в том направлении, куда двигались наши войска...

История, о которой пойдет речь, стала нам известна во всех подробностях уже потом, когда отступление кончилось и враг был остановлен в горных районах Северного Кавказа.

...Приказ срочно перебазироваться на новую точку был получен только к вечеру. Полк быстро снялся с места. Сначала уехал наземный эшелон – машины с техническим составом и штабом, потом улетели самолеты, перегруженные до отказа, увозя в задней кабине по два человека.

На аэродроме осталось два самолета. Один из них с неисправным мотором. С другим задержались две летчицы и штурман, которые ждали, когда будет устранена неисправность, чтобы улететь, захватив с собой оставшихся.

Мотором занимались инженер полка Соня Озеркова и техник Глаша Каширина. Быстро темнело. При свете карманных фонариков они пытались что-то исправить. Глаша поглядывала на дорогу – не едет ли машина с запчастями, специально вызванная из мастерских.

Дорога, проходившая через хутор, уже несколько часов была заполнена войсками. По тому, как они спешили, как в панике метались на небольшом мостике люди, повозки, лошади, ясно было, что немцы где-то недалеко.

Наконец прибыла полуторка, которой пришлось ехать окольными дорогами. С ней – техник из ремонтных мастерских. Снова осмотрели мотор, попробовали что-то сменить. Обнаружилась новая неисправность, которую нельзя было ликвидировать на месте. Требовался основательный ремонт в мастерских, а мастерские находились где-то в пути. Они снялись с последней стоянки, не успев развернуться.

Потеряв надежду исправить мотор, стали думать, что делать с самолетом. Нужно было спешить. Соня, инженер полка, была здесь старшей, и на нее ложилась вся ответственность. Она искала выход, но не находила. С кем посоветоваться? Все уехали, улетели... Сейчас улетит последний самолет: летчицам здесь больше делать нечего.

Она позвала девушек.

– Можете улетать. Мотор починить нельзя.

– А как же вы? Места нет...

– Мы с Кашириной поедem на машине. Вот с ними. – Соня кивнула на шофера и техника. Через минуту самолет взлетел.

Соня напряженно думала. Бросить самолет нельзя: он достанется немцам. Значит, сжечь? На это страшно было решиться. Но больше она ничего не могла придумать. Она почувствовала, что руки вспотели и в голове стоит туман, путаются мысли.

Все стояли и ждали, что она скажет. Наконец Соня спросила тихим, чужим голосом:

– Сарьян, спички есть?

Глаша испуганно посмотрела на нее.

– Есть, – ответил техник.

– Давай... поджигай...

– Ясно! – сказал тот как ни в чем не бывало и нырнул под самолет.

Соня отошла. Отвернулась и стала смотреть на дорогу. Правильно ли она поступила? А вдруг можно было придумать что-нибудь другое...

Она смотрела на дорогу. Смотрела, но ничего не видела. Не слышала ни криков ездовых, расчищавших затор у въезда на мостик, ни ржания лошадей, ни гудков машин.

Сзади вспыхнуло пламя. Соня обернулась: огонь быстро охватил самолет. Стало нестерпимо жарко. Отошли подальше.

Самолет жалобно потрескивал. Трудно было оторвать глаза от этого торжествующего огня, которому дали полную волю – гуляй!

Глаша стояла ближе всех, смотрела, как огонь пожирает самолет. Это ее самолет. Она ухаживала за ним, как за ребенком. Мыла, чистила, берегла. Встречала и провожала. Следила за тем, чтобы мотор был исправен, здоров. Кормила бензином и маслом...

Облизнув сухие губы, Глаша пошевелила загрубевшими от работы пальцами, потрогала ими шершавые ладони. Он погибал, ее самолет, и она не могла спасти его...

Подождав, когда на земле остался только небольшой костер, все четверо сели в машину.

Ехали медленно. Подолгу стояли у перекрестков, мостов из-за скопления машин. Промежуточная дорога, забитая войсками, вскоре вывела на основную магистраль. Здесь ехать было еще трудней. Шофер попытался двинуться в объезд, по грунтовым дорогам, через канавы. В свете фар стояла густая пыль.

Внезапно в стороне от главной дороги машина остановилась. Волков, шофер, полез в мотор, потом под машину. И обнаружил поломку: сломался промежуточный валик. В запчастях замены не оказалось. С рассветом Волков пошел в ближайшую МТС, но вернулся с пустыми руками.

К утру дорога была свободна: основная масса отступавших прошла на восток. Только изредка проезжали последние повозки, проходили люди. Оставаться у машины не было никакого смысла. Решили идти пешком.

– Что делать с машиной?

– Давай ее в стог, – предложил Сарьян.

Рядом стоял большой стог сена. Полуторку подтолкнули, и она по уклону скатилась прямо к нему. Волков вынул из мотора какие-то части, забросил их подальше, а машину заваляли сеном и подожгли.

Дальше двинулись пешком. Иногда останавливались передохнуть. Жгло солнце. Страшно хотелось пить. В небольших селениях, попадавшихся на пути, с жадностью набрасывались на воду. После одного привала встретили людей, которые говорили, что впереди есть хутора, куда уже вошли немцы. Другие утверждали, что немцев еще нет.

– Как бы там ни было, а нужна осторожность, – сказала Соня. – Прежде чем входить в деревню, будем узнавать у местных жителей, есть ли там немцы.

Так и решили.

По дорогам уже давно не проезжала ни одна машина. Не видно было людей. И это угнетало. Стояла тишина, которая давила, заставляла напряженно ждать, что вот-вот с минуты на минуту случится то, чего они так боялись...

Шли молча. И вдруг среди гнетущей тишины Сарьян, бесшабашный на вид парень с иссиня-черной шевелюрой и глазами навывкате, запел:

Э-эх, Расскажи-расскажи, бродяга...

Пел он неприятным, громким голосом. Глаша попросила:

– Перестань, не надо.

Но он продолжал, запрокинув голову:

Ч-чей ты ро-о-одом, а-атку-да ты!..

– Слушай, тебя просят – замолчи!

Но он, захлебываясь, скорее кричал, чем пел:

Э-эх, да я не по-о-омню...

– Сарьян, прекрати орать. – Соня сказала это спокойно, не повышая голоса.

Он замолчал. Потом опустил голову и медленно, раскачиваясь, как пьяный, и болтая руками, как плетьюми, поплелся к обочине дороги. Сел на траву, уткнувшись головой в колени. И неожиданно для всех расхохотался. Смеялся он, закатываясь, сотрясаясь всем телом. А круглые глаза его чуть не выскакивали из орбит.

– Что это он? Что с ним? – испугалась Глаша.

Волков подошел к нему, положил руку на плечо:

– Слушай, парень, ты брось эти свои истерики! Надо держать себя в руках. Чего раскис? Жара, что ли, на тебя действует?

Он говорил негромко, даже ласково, как бы уговаривая Сарьяна. И тот постепенно успокоился.

Вечером, когда на небе выступили звезды, свернули на восток. Проселочная дорога пересекала поле и дальше терялась в кустарнике. В ближайшей деревне собирались заночевать.

Где-то вдалеке послышался ровный, однообразный гул. Он становился громче, и скоро все услышали впереди шум моторов и лязг гусениц. Остановились, тревожно прислушиваясь.

– Танки... – прошептала Глаша.

– А может, это наши?.. – неуверенно произнес Сарьян.

– Надо узнать, – сказала Соня. – Я пойду на разведку. Вы ждите меня здесь. Может быть, еще кто-нибудь пойдет со мной?..

Она помедлила некоторое время, ожидая. Но никто не вызвался: у Глаши были стерты ноги, она с трудом двигалась; Волкову, видно, не хотелось идти – он сразу же лег на траву и занялся свертыванием самокрутки, вероятно, нисколько не сомневаясь, что это немецкие танки; Сарьян же не хотел идти, так как побаивался Сони. Строгая, неумолимая, она часто одергивала разболтанного парня, а большей частью вообще не замечала его.

И Соня пошла одна. В темноте, еще не очень густой, она подошла к дороге, присела и раздвинула кусты. По шоссе один за другим грохотали танки. Они были совсем рядом, в нескольких шагах. На танках чернели кресты. Недалеко, на развилке дороги, стоял регулировщик. Он размахивал фонариком и время от времени выкрикивал что-то по-немецки.

Соня понимала, что это немецкие танки, что они двигаются на восток, что, значит, теперь придется идти по территории, занятой немцами. Но почему-то это никак не укладывалось в голове, не доходило до ее сознания. На все происходящее она смотрела как будто со стороны, как будто ее это не касалось. Так бывает, когда смотришь фильм: на экране страдают люди, происходят волнующие события, но ты знаешь, что это все-таки где-то там, что это ненастоящее. А ты – отдельно...

Она вернулась к своим и рассказала о том, что видела. В деревню решили не заходить. Переждав, когда танки проехали, отошли от перекрестка подальше и поодиночке перебежали дорогу. Потом, пройдя еще немного в сторону от шоссе, остановились в поле. Спали прямо в стогах.

Утром Соня открыла глаза, чувствуя на себе чей-то взгляд. У стога стояла женщина, разглядывая спящих.

– Вы, бабоньки, военные? И чего ж вы не скинете ту форму? Разве ж можно так?..

Женщина сказала, что в хуторе немцев нет, они проехали дальше, так что бояться нечего. Повела их к себе, накормила, дала простую деревенскую одежду.

– Если станут спрашивать, говорите, что с окопов идете, – наставляла она их. – Копали, значит, окопы. Так и отвечайте: с окопов домой, на хутор.

Два селения, которые они прошли, были пусты. В третьем, довольно большом, неожиданно наткнулись на немцев.

Войдя в станицу, сразу за поворотом, у школы, увидели группу людей в военной форме. Поворачивать назад было поздно: это могло вызвать подозрения. И они продолжали идти вперед. У всех было оружие, у Сони и Глаши – в узелках с едой, которые сунула им на дорогу женщина.

Стараясь держаться спокойно, они не спеша прошли мимо немцев. Те посмотрели на них, разговаривая между собой. А они шли, делая вид, что местные. Никто их не остановил. У Глаши дрожали руки, а Соня шла как каменная. Им казалось, немцы непременно догадаются, что одежда на них чужая и что настоящая их одежда – это военная форма...

День за днем они продвигались все дальше на восток. Ночевали в селениях у хозяек. Соня и Глаша в одном доме, а мужчины в другом, где-нибудь неподалеку. Чтобы не слишком беспокоить хозяев. Потом встречались в условленном месте и отправлялись вместе в путь.

Однажды Соня и Глаша не дождались своих попутчиков. Они почему-то не явились. А где их искать, девушки не знали. Долго ждали, но ходить по домам и спрашивать не решились.

Идти приходилось по жаре, под палящими лучами солнца. Мучила жажда. Вода считалась роскошью в этом степном краю, ее можно было найти только в селениях. А селения, большей частью хутора, где стояли немногочисленные постройки, находились на значительном отдалении друг от друга.

Глаша сильно уставала. Болели ноги, кружилась голова. Иногда она готова была сесть посреди дороги и заплакать. Соня не давала ей отдыхать, все тянула и тянула за собой. Она шла впереди, изредка оглядываясь, не отстала ли Глаша. Глашина фигурка маячила сзади на некотором расстоянии.

Соня чувствовала себя более выносливой. Занятия спортом еще до войны, в военной школе, где она работала преподавателем, закалили ее. Но этот бесконечный путь босиком по горячей, пыльной дороге трудно было вынести даже ей. Ноги казались деревянными колодами, она переставляла их механически. Обернуться, сделать лишнее движение стоило большого труда. Казалось, остановишься – свалишься и не хватит сил, чтобы подняться...

Так они шли – обе в платочках, в длинных черных юбках, босиком. Невысокая, крепкая Соня – впереди. За ней немного подальше тоненькая Глаша.

Однажды у железнодорожного полотна их окликнул часовой. В это время они переходили полотно. Обе продолжали идти, будто их это не касалось. Часовой еще раз крикнул и вскинул автомат. К счастью, к поезду приближались подводы, крестьяне вели лошадей. Соня и Глаша затесались между ними и, сбежав со склона, скрылись среди деревьев.

В другой раз на дороге они встретили двух немцев-мотоциклистов. Один сидел на корточках, чинил мотоцикл, а другой ждал его. Увидев девушек, немец пошел им навстречу. Стал что-то говорить, показывая на узелки: вероятно, был голоден и хотел поесть. Он тыкал пальцем в узелок и смотрел на Глашу. Она растерялась: в узелке, кроме хлеба, лежал пистолет, завернутый в тряпку. Немец настойчиво тыкал в узелок – и она медленно стала развязывать концы платка.

Кроме двух мотоциклистов, на дороге не видно было никого, причем один из них был целиком занят своим мотоциклом и не смотрел в их сторону. Соня чуть подвинулась – так, чтобы оказаться за спиной немца, вынула пистолет и, пока Глаша развязывала узел, выстрелила ему прямо в спину. Потом подбежала ко второму, который ничего еще не успел сообразить, и сделала два выстрела в упор.

– Глаша, сюда, в кусты! – крикнула она.

Они бросились в сторону с дороги и побежали по кустарнику. Бежали долго, пока хватило сил...

Потом остановились. Тяжело дыша, Глаша молча уставилась на Соню, которая все еще держала пистолет в руке. Она так и бежала с ним и теперь растерянно смотрела на него, не зная, что с ним делать. Ей казалось, что она все еще слышит короткий хрип осевшего на землю немца – того, что возился с мотоциклом, и видит большие черные точки в его круглых испуганных глазах...

Как-то раз к вечеру девушки, как всегда, попросились на ночлег. Хозяйка вышла на крыльцо, посмотрела на них и уже собралась было отказать, но почему-то передумала.

– Погодите, – сказала она и вошла в хату. Вскоре возвратилась ипустила их в комнату.

Неожиданно они увидели за столом человека, одетого в форму советского командира, с тремя кубиками в петлицах. Старший лейтенант. Свой!

Они обрадовались. Разговорились. Но осторожность все же заставила их быть не до конца откровенными. Соня сказала, что они медицинские сестры, отстали от своей части и пробиваются к фронту. Ее удивляло, что в обстановке, когда кругом немцы, старший лейтенант не снял военной формы...

Однако он был проницательным, этот энергичный человек с прямым взглядом темных колючих глаз. Он почувствовал, что Соня не полностью доверяет ему. Тогда он вынул и показал свой партийный билет. Соня и Глаша показали свои.

Оказалось, что он не один. С ним было еще десять бойцов с оружием и гранатами. В сарае стояли две повозки с пулеметами, запряженные лошадьми. Бойцы продвигались к линии фронта по ночам, в темноте, иногда прорываясь вперед с боем.

Старший лейтенант вел себя так, будто он был хозяином положения и не он должен был бояться немцев, а они его. Казалось, он знал все: что нужно делать, куда ехать. Ни он, ни

бойцы не сняли военной формы – об этом не могло быть и речи, и если бы пришлось, они бы наверняка, не задумываясь, вступили в бой с целой дивизией немцев...

Глаша и Соня присоединились к ним. После трех недель скитаний они уже не шли пешком, а ехали на повозках, ночью. В темноте на дороге встречались вражеские мотоциклисты, машины, патрули. Оружие всегда было наготове на тот случай, если им не удастся проскочить.

Однажды, когда повозки уже въехали в деревню, навстречу вышли немцы. Их было довольно много. Немецкие солдаты что-то закричали, забегали. Послышался треск автоматов. Но ездовые, повернув назад лошадей, уже неслись прочь. С последней повозки строчил пулемет...

На следующий день в станице под Моздоком увидели красноармейцев. Здесь стояла наша стрелковая часть. В самом Моздоке царила неразбериха. Город эвакуировался. Время от времени прилетали немецкие самолеты и бомбили отходившие войска. Здесь Соня и Глаша расстались со старшим лейтенантом.

Еще в дороге заболела Глаша. Оказалось – тиф. Соня нашла коменданта города и сдала ее, совсем больную, в госпиталь. Коменданту ничего не было известно о местонахождении женского полка, и он направил Соню к представителю ВВС, который приблизительно знал, где базируется полк.

В тот же день на попутной машине она ехала по дороге, которая вела на юг. Смеркалось. Слева тянулись поросшие кустарником холмы, впереди высился горный кряж. Машина подпрыгивала на ухабах. Соня, стоявшая в кузове, смотрела по сторонам, надеясь увидеть где-нибудь самолеты.

И вдруг увидела. В стороне от дороги, на ровном поле, мелькали огоньки. На площадку садились самолеты. Очевидно, это был вспомогательный аэродром, откуда самолеты летали на боевое задание.

Соня не верила своим глазам: все было как в сказке. Сердце бешено заколотилось, и она что было сил забарабанила по кабине кулаками, крича:

– Стойте! Остановите машину! Это они! Они!

Выдержка и спокойствие изменили ей. Здесь был ее полк, ее работа, ее дом! Она нашла его, нашла... Она побежала напрямик к самолетам. Спотыкаясь и падая, бежала Соня по полю, словно могла не успеть, опоздать, и огоньки – зеленые, белые, красные – расплывались пятнами в ее глазах...

Горит всю ночь

Отступая, мы дошли до предгорий Кавказа. Полк расположился в зеленой станице Ассиновская. Это в долине, неподалеку от Грозного.

Мы прячем самолеты в большом яблоневом саду, прямо под деревьями. Сад окружен арыком, и нам приходится рулить самолеты по узким деревянным мостикам, перекинутым через арык. Тяжелые ветви, усеянные яблоками, клонятся к земле. Пока дорулишь до стоянки, в кабине полно яблок.

Сразу за станицей шумит быстрая Асса. Видны высокие горы. Близко Казбек. Дарьяльское ущелье. Места, воспетые поэтами. Война пришла и сюда. Линия фронта – по Тереку.

Летаю с Ириной Себровой. Она славная девушка, скромная, искренняя и отличный летчик. Характер у нее мягкий, деликатный. Мы с ней подружились.

...Бомбим вражеские позиции под Малгобеком. Горный район, сразу за хребтом.

Небо в звездах. Погода хорошая.

Над целью я бросаю вниз светящуюся авиабомбу. Она, как фонарь, повисает в воздухе. Становится светло, и я внимательно разглядываю землю.

Увидев цистерны, расположенные параллельным рядом, я заволновалась.

– Иринка, вижу склад с горючим!

Ира высовывается из кабины, смотрит вниз.

– Вон, справа! Подверни правее, еще... Довольно.

Я спешу, я так хорошо вижу эти цистерны! Нажимаю рычаг – и бомбы несутся к земле. Четыре огненных снопа вспыхивают и тут же исчезают, рассыпавшись искрами. Мимо! Я чуть не плачу от досады. Остались четыре дымка на земле, а цистерны светлеют целехонькие...

В следующем вылете я не тороплюсь. Мне очень хочется попасть в цистерны. Из всех сил я стараюсь прицелиться получше. Ставили же мне пятерки по бомбометанию! У меня даже лоб вспотел.

Ира выдерживает прямую, которая называется «боевой курс».

Я чуть-чуть подправляю курс. Еще раз. Цель отличная. Самолет летит как по ниточке. Нет, я должна попасть во что бы то ни стало!

Снизу застрочил зенитный пулемет. Прошлый раз он молчал. Они там еще спали, наверное. А я промахнулась!.. Огненные трассы приближаются к нам слева. Вот-вот они полоснут по самолету. Но сворачивать нельзя.

Пулемет крупнокалиберный, спаренный – пули летят широким пучком. Я вижу, что Ира вертится в кабине, нервничает. Но курс держит. Поглядывая на трассы, я прицеливаюсь. Бросаю бомбы.

Ира сразу пикирует, успевая нырнуть под длинную трассу пуль.

На земле сильные взрывы. И вспыхивает пламя: пожар. Настроение у меня поднимается. Мы летим домой, а я все оглядываюсь: горит!

Черный дым стелется над землей, постепенно заволакивает небо. Склад горит всю ночь.

Тишина

Наконец началось наступление и у нас, на Закавказском фронте. Почти полгода, с августа 1942 года, мы летали в районе реки Терек. Успехи наших войск под Сталинградом¹ принудили немцев начать отступление. Они поспешно уходили с Кавказа, боясь оказаться отрезанными.

В первых числах января мы начали двигаться вперед. Полк оставил станицу Ассиновскую и перелетел через Терек на новую площадку, сразу за рекой.

...Полетов нет: еще не подвезли бомбы. Наземный эшелон в пути, поэтому летчикам самим приходится дежурить у самолетов.

Над площадкой, где рассредоточены наши По-2, висит луна. Вернее, четверть луны. Но она так четко обрисована и так ослепительно блестит, что видно и остальную, слегка затухшую часть диска. Поле, покрытое свежим, недавно выпавшим снегом, залито бледно-голубым светом.

Сразу за нашими самолетами стоят самолеты «братцев», которые тоже прилетели сюда, за Терек. По-2 темными пятнами выделяются на снегу.

Я медленно хожу вдоль самолетов, мягко ступая унтами по снегу. Вместе со мной движется моя тень. Она совсем короткая: месяц высоко, почти над головой. Я стараюсь наступить на нее, но она ускользает все вперед, вперед...

Лёша Громов тоже дежурит сегодня. Мы с ним виделись вечером в столовой. Я знаю – он придет ко мне. И, улыбаясь неизвестно чему, я снова охочусь за собственной тенью... Вскоре он приходит, большой, плечистый, похожий на медведя, в комбинезоне с широким меховым воротником и в мохнатых унтах.

– Давай дежурить вместе.

Я рада ему. Мы идем рядом. Теперь по снегу скользят две тени – одна короче, другая подлиннее. Возле моего самолета останавливаемся.

Тихо. Поблескивает обшивка крыла. Покрытый чехлом мотор и лопасти пропеллера, торчащие в стороны, кажутся огромной птицей, которая приготовилась взлетать.

Сегодня тишина особенная. Немцы бегут, фронт с каждым часом удаляется, и у меня такое ощущение, будто на время раздвинулись тучи войны и стал виден светлый кусочек мира...

– Как я рад, что нашел тебя, – говорит Лёша.

Он уже говорил мне это однажды. В Киеве, два года назад.

Тогда еще не было войны...

¹ С 1961 г. город носит название Волгоград.

Мы стоим, облокотившись о крыло... Говорить не хочется. Я чувствую на спине тяжесть Лёшиной руки и даже сквозь меховой комбинезон ощущаю ее тепло. Нам обоим хорошо. И нет никакой войны...

Внезапно воздух сотрясает взрыв. Где-то недалеко, за станицей. Мы прислушиваемся, гадаем, что бы это могло быть. Но все опять спокойно, и мы забываем о взрыве.

Проходит час и еще один час. За это время луна опустилась ниже, тени удлинлись, стало темнее.

Вдали слышались голоса. Это идут нас сменить. Как жаль, что дежурство кончилось...

Гадание

Январь 1943-го. Мы продолжаем наступать, перелетая из станицы в станицу, всё ближе к Кубани.

Солдато-Александровка. Здесь мы были полгода назад при отступлении. И конечно, все девушки останавливаются у своих прежних хозяек.

Навстречу нам вышла вся станица. Ребятишки окружили нас тесным кольцом.

– Тетя Ира! Тетя Рая!

– К нам пойдёте, тетя Надя! Я вас сразу узнал!

– А какой это орден? Можно потрогать?

– А фрицы уже теперь не вернутся?

Наша хозяйка встретила Иру и меня с восторгом. Всплеснув руками, бросилась обнимать.

– Ох вы, мои девочки-голубушки! – приговаривала она. – Да я ж сердцем чуяла, что мы ещё свидимся! И сны ж мне такие снились!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.